

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Lidiya Parokonnaya

RG-50.575*0009

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Вопрос: В первую очередь, я прошу Вас назвать себя, дату и место рождения.

Ответ: Меня зовут Лидия Михайловна Параконная. Родилась в Одессе 3 марта 1924 года.

Вопрос: Вы были во время оккупации в Одессе?

Ответ: Была.

Вопрос: Мы сейчас будем говорить о том, что Вы видели во время оккупации Одессы. Все, что касается преследования евреев в Одессе. Расскажите, как для Вас представлялась оккупация. Что Вы видели?

Ответ: Оккупация началась 16 октября 1941 года. И, как всякая оккупация, она началась с террора. Этот террор чувствовали все, не только евреи. Но по истечении какого-то времени, может, две недели или месяц, появились плакаты, объявления на стенах везде, по всему городу с требованием явиться в какой-то пункт (там было обозначено) всем евреям.

Вопрос: Вы видели эти плакаты?

Ответ: Да, я видела плакаты. У моей тети муж – еврей, поэтому мы очень переживали. Когда появились эти плакаты, она поняла, что это – конец.

Вопрос: Вы сами читали эти плакаты?

Ответ: Конечно.

Вопрос: Вы не помните кусочек теста?

Ответ: Я текст не могу помнить – 60 лет прошло. Но содержание помню: всем евреям обязательно явиться в такой-то пункт. Это было четко обозначено с немецкой точностью, куда нужно явиться, когда, с чем (там и вещи, какие-то катомки предлагалось с собой брать). И Александр Борисович, как законопослушный гражданин, пошел на этот пункт. Их потом свезли в тюрьму. И моя тетя Мария Васильевна узнала о том, что он в тюрьме. Мы стали навещать. Это разрешалось, потому что их не кормили. Мы носили еду туда. Туда носили еду даже посторонние люди, потому что у некоторых не было родственников. Ну и Мария Васильевна думала о том, как бы его оттуда вытащить. Всегда в Одессе есть люди, которые могут что-то сделать. И она нашла человека, который сделал ему паспорт русский. В его паспорте просто было обозначено, что он русский, а не еврей. Она пошла в тюрьму уже без меня, потому что это был риск очень большой. И вышла с ним по своему паспорту и по его русскому паспорту из тюрьмы. И привела его на Петра Великого, 28, где мы жили в то время: мой брат, я, мама и Мария Васильевна, сестра моего отца. Для конспирации он находился все время в квартире. И если кто-то приходил, стучал, звонил в дверь, он прятался за шкаф. Там была его табуреточка, его тапочки, и он сидел там, как мышка, молча. И так прошло 2,5 года. До 1944 года он там просидел. Для того, чтобы легче было его прятать, к нам на квартиру поселился румынский офицер с денщиком-солдатом. Мы жили с мамой и братом в одной комнате, офицер во второй комнате, и Александр Борисович со своей женой - в третьей комнате. И он прожил у нас два года, не подозревая, что есть еще мужчина в нашем доме. Потому что, когда он приходил с работы, Мария Васильевна открывала дверь, Саша сидел за шкафом, и был такой свободный ход туда-сюда, он видел эту комнату. Он ничего не подозревал. Но, когда уже наступил момент прихода наших войск, было понятно, что здесь он оставаться не может. Вот было такое напряжение, потому что немцы неистовствовали, были облавы частые. Было просто опасно, опасно для всех. И он, одевшись в солдатскую форму, со своим русским паспортом ушел. Мы не знали, куда он идет, в каком направлении. Он дошел, доехал до Красных Окон, до Котовского района. Это село, большое село в

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Котовском районе. И там его приняли. Он, естественно, не назвался там евреем. И там он дожид до прихода Советских войск. После чего он поменял свой паспорт снова на еврейский. И приехал в Одессу уже после всего, мы видели его. Но поселиться здесь он не мог: квартиры не было, ничего не было. Он вернулся снова в Красные Окна, где и дожид свой век.

Вопрос: Вы сказали: «У нас поселился румынский офицер». Он сам поселился? Вы его не звали?

Ответ: Нет, мы его не звали.

Вопрос: Так получилось?

Ответ: Так получилось. Он ходил, искал, где бы можно поселиться, чтобы это было близко от его работы. Ему сказали: «Вот там есть такая семья, их немного. Там есть комната». Он пришел. Он симпатичный был молодой человек, такой домашний. К нему мама приезжала из Румынии. Мы считали, что это будет надежней. И когда с облавой, с проверкой приходили немцы, румыны (в основном, румыны), так говорили, что здесь живет румынский офицер. Они так посмотрели и уходили. Для нас это была полная защита.

Вопрос: И еще я хотел вернуться к тюрьме. Вы говорили, что ходили с тетей туда. Вы ходили внутрь?

Ответ: Я была внутри, была в камере.

Вопрос: Опишите, что там происходило.

Ответ: Это такое мрачное зрелище! Вот так, как показывают в кино: железные лестницы, какое-то многоэтажье и небольшие камеры, где сидело много несчастных людей. И, когда кто-то приходил, они все с просьбой: «Вы пойдите туда-то, скажите то-то, Вы возьмите какую-то вещь, принесите нам!» Конца не было этим просьбам!

Вопрос: Что за люди это были?

Ответ: Это были все евреи.

Вопрос: Почему Вы считаете, что это были евреи?

Ответ: А как же! Мы знали просто! И Саша нам говорил. Они себя называли, они говорили свои адреса. Мы ходили к соседям, просили там какие-то вещи. Мы постоянно носили туда вещи. Они называли фамилии, я просто, естественно, их не помню. На Нежинской, помню, жили. Нет-нет, других там не было.

Вопрос: Кто охранял это?

Ответ: Румыны стояли в тюрьме. Поэтому.... Ну, как-то так облегчен был режим. Немец был жестче.

Вопрос: В чем разница?

Ответ: В жесткости.

Вопрос: По отношению кходящим или заключенным?

Ответ: Вообще к людям, которые в оккупации. То ли религия, то ли это немецкий характер такой жесткий. Если ему сказали, что вот так, так и так, значит, он так это должен и выполнить. А румыны к этому сразу не прибегали, они как-то так относились к евреям. И вот, пока не разговаривали с ним. Но если бы она пошла. Она все просчитала, и все было четко выполнено.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for accuracy or completeness. It is provided as a service to the public. Please do not use it for legal purposes. The interview was conducted on 11/11/2011.

Вопрос: Что еще Вы можете рассказать?

Ответ: Кроме этого, людей загоняли на Слободку. Там было как бы сделано гетто. Это, видимо, уже женщин с детьми. Вот там в тюрьме были мужчины, я женщин там не помню. Женщин сгоняли с детьми в гетто. Эти толпы, эта вереница – это незабываемо.

Вопрос: Это Вы видели?

Ответ: Да.

Вопрос: Когда это происходило?

Ответ: Это было тоже в 1941- 1942 году, зима. Зима в этом году была очень суровая. Для Одессы она была невероятно суровая. И мы даже с мамой отводили одну семью к маминой сестре, она жила на Слободке. Мы просто думали, что там ей легче будет. Вот эта семья была из этого дома, из Польской. Не с Петра Великого. А с Польской, где мы до войны жили. А после войны мы опять-таки перешли на Польскую.

Вопрос: Вы видели их изгнание из дома или уже шествие на улице?

Ответ: Шествие на улице, вереница на улице....

Вопрос: Вы стояли там на улице?

Ответ: Я проходила, я стоять не могла. Смотреть на это невозможно было.

Вопрос: Как они выглядели?

Ответ: Как могут выглядеть люди, которых ведут неизвестно куда, но они чувствуют, что это последние дни.

Вопрос: Они как-нибудь реагировали?

Ответ: Я знаю, что вот там на Слободке, где жили мои родственники, из этой колонны одна женщина выбросила мальчика своего.

Вопрос: Но этого Вы не видели?

Ответ: Этого я не видела. Но моя родственница его забрала и воспитала.

Вопрос: А здесь Вы подобных сцен не наблюдали?

Ответ: Понимаете, дать невозможно было, потому что они шли в сопровождении солдат. Это так выбросила она, что те не заметили, а эти подобрали.

Вопрос: Солдат много было?

Ответ: Нет.

Вопрос: Вы наблюдали это шествие возле своей улицы, возле своего дома?

Ответ: Я наблюдала это на своей улице, я наблюдала это на Слободке, потому что я ходила с этой семьей на Слободку к маминой сестре.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been edited for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Ответ: Казни на улице. Я не видела сам процесс повешания. Но я случайно проходила по Соборной площади по Александровскому проспекту, и я видела виселицы. Висели люди с табличкой «юден».

Вопрос: Вы видели эти таблички?

Ответ: Да. Я не видела, как его вешают, в чем обвиняют.

Вопрос: Много было таких людей?

Ответ: Я видела две виселицы.

Вопрос: Это были именно виселицы или столбы?

Ответ: Это была именно виселица!

Вопрос: Вы были только в городе или и на окраинах?

Ответ: Я знаю, что на складах Люстдорфской дороги были согнаны евреи , и там они были сожжены. Я не видела этого процесса, но я видела эти сожженные склады.

Вопрос: Вы там были? Что значит: «видела сожженные склады»?

Ответ: Я не могла ходить и смотреть, я видела со стороны. Есть люди, которые видели, которые искали там кое-что.

Вопрос: Вы здесь в 1944 году встречали Советские войска. Как выглядел вход войск? Ваши ощущения?

Ответ: Мои ощущения не такие, как, может быть, общие были. Мы просто боялись. Мы боялись этого момента. По-моему, румын мы меньше боялись, нежели прихода наших войск...

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому что мы прожили 1937 год...Мы знаем, что такое эта власть...мы боялись...мы не знали, что с нами будет. Многие люди уезжали поэтому. И перед нами, молодыми, как я, тоже стоял вопрос: остаться или уехать. Потому что неизвестно, что с нами будет. Некоторые, кто остался, попал на Колыму. У меня такие примеры есть – наши студенты. Некоторые уехали в Румынию, их догнали , и на Колыму... Эта власть непредсказуемая была. Для меня это был тяжелый день.

Вопрос: А как население встречало?

Ответ: Я не выходила, не видела. У меня не было любопытства даже.

Вопрос: Спасибо. Извините за неудобства.

Ответ: Никаких извинений! Я очень хотела, чтоб узнали историю Александра Борисовича. Не думала, что через 60 лет кому-то ее расскажу.